

А.В. Гордон

**СУДЬБА УЧЕНОГО СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ:
В.С. АЛЕКСЕЕВ-ПОПОВ**

Статья посвящена творчеству профессора Одесского государственного университета В.С. Алексева-Попова, видного советского историка Французской революции XVIII в. В центре внимания автора – конфликт между устремлениями и творческим потенциалом ученого и ограниченностью возможностей для его самореализации.

Ключевые слова: советская историография, В.С. Алексеев-Попов, Я.М. Захер, Французская революция XVIII в., Ж.-Ж.Руссо

Вадим Сергеевич Алексеев-Попов (1912-1982) занимал особое место в известной мне профессиональной среде достопамятных духовным пробуждением и переломных к идеологическому застою шестидесятых годов. Сам он называл себя «философствующим» историком. Ставя это определение в кавычки, с долей самоиронии Вадим Сергеевич писал Я.М. Захеру о своей увлеченности «философией» тех исторических сюжетов, которые выбирал и которые разрабатывал. Тем не менее он был именно историком и остро ощущал междисциплинарную грань между историей и абстрактной теорией философского уровня, когда говорил о посещении семинаров популярного в московской интеллектуальной среде 70-х гг. неортодоксального философа В.С. Библера: «Мне там не хватает воздуха».

Корректно будет назвать Вадима Сергеевича историком, озабоченным вопросами теории. К нему, пожалуй, применим афоризм «теория или ничего». А историческое теоретизирование, перестав быть уголовно наказуемым, оставалось непопулярным в профессиональной среде. Не случайно, один из крупных ленинградских ученых говаривал, что, будучи историком, заниматься теорией все равно, что «доить козла». Советские историки привыкли уходить от теоретических проблем, спасаясь от идеологического режима в относительно тихой гавани фактологической эмпирики и находя отдохновение в уютных берегах традиционного нарратива.

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором ИНИОН РАН.

Вадим Сергеевич, презирая такой «уют», упорно и бесстрашно занимался теоретическими разработками. Надо сказать, он принадлежал к категории убежденных марксистов – убежденных не в силу партийной принадлежности, а вследствие личной духовной потребности. Притом, натура исключительно творческая, В.С. представлял учение Маркса широко и глубоко, как «умение мыслить марксистски»¹.

Подчеркну, В.С. отталкивался не только от трудов классиков марксизма. До последних лет пребывая в непрестанном напряженном поиске, он искал духовную подпитку в самых различных источниках: у неортодоксальных марксистов, таких как Люсьен Гольдман или Дьердь Лукач, в филологическом анализе русской «формальной» школы и науковедческих разработках школы Щедровицкого, в крестьяноведении и психоанализе, в теории информации и даже физиологии.

Нередко подобная теоретизация встречала, мягко говоря, непонимание коллег. Когда В.С. представил для Французского ежегодника структуру идейных течений Просвещения, выстроенную на основе науковедческих разработок, редактор ФЕ и лидер советских франковедов Альберт Захарович Манфред попросил объяснить, «чего он (Алексеев-Попов. – *А.Г.*) хочет». Выслушав меня, Манфред заметил, что в таком «переводе» проект становится более ясным, но остается непонятным, зачем нужна столь сложная (сам В.С. назвал ее «многослойной») схема².

Отвечая на упрёки коллег в чрезмерной усложненности его построений, В.С. писал: «Я все же думаю, что если та “философия”, к которой я привержен, поможет взгляду на факты, их анализу и осмыслению – то она нужна»³. Разумеется, теоретические схемы рождались у него не на пустом месте. Нередки в его письмах упоминания о размышлениях над историческими документами, над фактами, которые в них содержатся, над философскими и политическими текстами. Он высоко ценил, говоря

¹ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории Института истории АН СССР. 26 марта 1968 года. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Гордоном А.В. на тему «Установление якобинской диктатуры». Из личного архива.

² Статья не была напечатана в ФЕ. Манфред иронично (и вполне добродушно при том) заметил, что подходы В.С. напоминают старания тех, кто левой рукой чешут правое ухо. Все же чуть позднее ее опубликовали в Новосибирске. См.: *Алексеев-Попов В.С.* О применении понятия «многослойной системы» в изучении идей французского Просвещения // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1971.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 21 января 1963 г. Здесь и далее письма Захеру приводятся из архива последнего, переданного в мое распоряжение вдовой ученого Зоей Ивановой, память которой я чту.

его собственными словами, «трудовой пот» от поиска и упорной работы исследователя с источниками¹.

В.С. с почтением относился к той источниковедческой школе, которая сохранялась у лучших представителей старшего поколения. «Первая встреча с Вами у Вас на Моховой, - писал он Я.М. Захеру, – заронила во мне семя, выросшее в занятие историей Французской революции, и, увлекаясь ее “философией”, я всегда учился на Ваших работах – и учусь – тщательности, “скрупулезности”»². Простудировав сборник отчетов комиссаров Временного исполнительного совета и Коммуны Парижа об установлении чрезвычайного порядка управления в провинции после свержения монархии и истолковав их деятельность как «предысторию» диктатуры 1793 г., В.С. писал Якову Михайловичу: «Эти материалы много мне дали, и я знаю, что Вы были бы довольны, что я от общих идей перешел к фактам»³.

В.С. отличался прочувствованным, чисто гуманитарным отношением к истории, видя в ней деятельность людей, наделенных стремлениями и страстями, переживающих события, пребывающих в том либо ином настроении, короче говоря – «в полноте жизненных проявлений»⁴, которую и надлежит раскрыть исследователю. В понимании Алексеевым-Поповым любых исторических процессов человеческий фактор выходил на первый план – и когда его заботила позиция тех или иных политических лидеров, и тогда, когда он обращался к характеристике революционных масс.

Достоинством моей диссертационной работы «Установление якобинской диктатуры», на защите которой он выступал в качестве официального оппонента, В.С. считал то, что «автор не только отвлеченно стоит на определенной позиции», но и «проявляет глубокую заинтересованность в познании масс», «ставит во главу угла роль их требований в генезисе» якобинской диктатуры, и (!) «чувствуется, что ему близка эта масса»⁵.

Замечательной, даже трогательной чертой В.С. было привнесение личностного, «человеческого» фактора в историографические оценки. Он находил, что интерес к определенным проблемам и фигурам революции является продолжением личности ученого, и потому, например, Я.М. Захер выбрал изучение жизни и деятельности выразителей на-

¹ См.: В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 4 марта 1968 г. Здесь и далее письма В.С. ко мне приводятся из моего личного архива.

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, Н/д.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 октября 1959 г.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 ноября 1962 г.

⁵ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории.

строений городской бедноты, а А.З. Манфред стал биографом Робеспьера.

Обстоятельством, определившим положение в профессиональном сообществе и, увы, профессиональную судьбу В.С., была «периферийность». Восторжествовавшая в советский период сверхцентрализация изрядно затронула научную сферу. В привилегированном положении находилась не только Академия – «штаб науки», но и университеты, пединституты Москвы, а также, хотя и в меньшей мере, Ленинграда. Привилегии определяли статус и материальное положение ученых, включали разнообразные «квоты»: приема в аспирантуру, издания литературы, зарубежных поездок¹. В столице были сосредоточены важнейшие издательства и журналы исторического профиля. Чувствительным был контроль столицы за научной карьерой кадров из провинции.

Такой внутренний контроль научного сообщества во многом был оправдан. В 1950-1960-х годах в секторе новой истории института сосредоточился цвет советских исследователей Запада. В.С. очень ценил общение с московскими коллегами, поездки в столицу и Ленинград². К сожалению, и мне это также хорошо известно, общение было непростым: нередко возникали нечувствительность, с одной стороны, обиды и разочарование – с другой. Сообщая о визите в Одессу Марка Булуазо, В.С. с горечью писал, что французский профессор «проникся большим сочувствием» к его «положению... на “периферии”, чем Ваши московские маститые коллеги»³. Лишь немногие дарили то, чем В.С. так дорожил – «радость взаимопонимания»⁴ - Я.М. Захер, Осип Львович Вайнштейн, который был профессором у В.С. еще в Одессе в 1933 г. и с которым он подружился в 1935 г. в Ленинграде⁵, В.С. Люблинский⁶. Очень теплые воспоминания остались у В.С. о С.Б. Кане.

В коллизиях центр – периферия дело не ограничивалось лишь духовным авторитетом. Центр претендовал на монополию в научно-

¹ Хорошо помню, как сорвалась поездка В.С. на конгресс по Просвещению, о которой он так мечтал. И это произошло уже на той стадии, когда были приобретены авиабилеты. За рубеж отправился Борис Федорович Поршневу.

² «Когда я долго не бываю в Москве и Ленинграде, мне становится очень одиноко». – В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 августа 1961 г.

³ В.С. Алексеев-Попов – А.В.Гордону, 17 августа [1967 г.]

⁴ В.С. Алексеев-Попов – А.В.Гордону, 19 февраля 1973 г.

⁵ В.С. Алексеев-Попов – А.В.Гордону, 15 декабря 1980 г.

⁶ Исследователь творчества историка Людмила Борисовна Вольфцун пишет: «В архиве В.С. Люблинского около 40 писем Алексеева-Попова за 1958-1968 гг. Переписка носит, на мой взгляд, научно-деловой характер. В основном это приглашения на конференции и к участию в сборниках». – Л.Б. Вольфцун – А.В.Гордону, 2 июля 2013 г.

организационной деятельности, и проявление инициативы со стороны провинциальных ученых было весьма затруднено – элементарно отсутствовали средства на издание книг или приглашение иногородних коллег на конференции, что делало обыкновением участие многих, по выражению В.С., «заочным».

В таких условиях организация Алексеевым-Поповым, доцентом славного своим прошлым, но сугубо периферийного в советское время Одесского университета двух, можно сказать, всесоюзных конференций – по истории якобинской диктатуры и к 250-летию Руссо¹ – было делом исключительным и, возможно, беспрецедентным.

Благоприятными факторами явилось то, что в Одессе сохранялись традиции российско-французских связей, что кафедру всеобщей истории немало лет возглавлял авторитетный ученый К.П. Добролюбский, что здесь существовал Воронцовский архив с обильными материалами по раннему периоду революции. Случалось В.С. по справедливости гордиться городом, ставшим его судьбой². Вне сомнения, культивирование Одессой своего исторического и культурного наследия позволило, в конечном счете, получить поддержку и в университете³, и со стороны городских властей.

И все же важнейшим фактором стал энтузиазм Вадима Сергеевича, его, без всякого преувеличения, подвижничество. Достаточно почитать переписку с Я.М. Захером, чтобы ощутить, сколько физических сил, нервов и, в последнем итоге, лет жизни стоили В.С. эти конференции, а главное – издание их материалов. Конференция по истории якобинской диктатуры состоялась в 1958 г., ее труды были опубликованы в 1962 г.⁴

Не стоит забывать, В.С. относился к породе максималистов. Он бесконечно совершенствовал свою статью «Проблемы истории якобинской

¹ См.: Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Жан-Жака Руссо. Одесса, 1962.

² «Дорого, что Одесса горячее всех отметила память Руссо» (из недатированного письма Захеру 1962 г.).

³ «На днях мы на совете ф[акульте]та, с благословения нашей весьма доброжелательно к нам относящейся научной части у[ниверси]тета, утвердили проект организации на ф[акульте]те *открытого* научного семинара по истории революционного, рабочего движения и общественной мысли во Франции XVIII-XX вв. ...Пока научная часть у[ниверсите]та всячески поддерживает продвижение в печать сборника докладов Конференции». – В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 29 ноября 1958 г.

⁴ Из истории якобинской диктатуры: Труды Межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры / Ред. коллегия: В.С. Алексеев-Попов, А.Я. Гансов, К.Д. Петряев. Одесса, 1962. 632 с.

диктатуры в свете трудов В.И. Ленина»¹, которая в итоге составила четверть книги. Помимо того, была работа с другими авторами, которая далеко выходила за пределы редактирования, даже самого тщательного, что вообще характеризовало В.С. Ему приходилось, по его собственному признанию, «дорабатывать многие статьи» и при том «очень и очень основательно». В.С. добивался высокого теоретического уровня всего сборника. А это требовало уточнения и согласования правки, и как следствие – бесконечной переписки!

Приходилось – что, очевидно, было самым тяжелым – согласовывать, а лучше сказать словами В.С., «пробивать» сборник на всех иерархических уровнях, начиная с университета, где далеко не все поддерживали инициативу ученого. И, наконец, не последнее по значению – чисто административно-техническая издательская работа, которая тоже едва ли не полностью легла на плечи В.С. Он «достаёт» бумагу и непосредственно вывозит ее из Одесского порта, он находит латинский шрифт для французских резюме статей и привозит его из Кишинева, он самолично рассылает по почте сначала оттиски, а затем и саму книгу.

Одно накладывалось на другое, провоцируя конфликты, создавая порой критическую ситуацию вокруг издания сборника. Заметим, первоначально анонсировался объем 17 п.л., в итоге получилось более 40! И это при тираже 1300 экз. Нетрудно догадаться, какая нагрузка падала на университетское издательство, при том, что сроки сдачи материалов в печать – а, значит, и выхода сборника из печати – постоянно переносились².

«После того, как я добился в Киеве разрешения на увеличение его объема до 30 печ. листов, – писал Алексеев-Попов, – столкнулся здесь, в самом у[ниверси]тете с грязной кампанией, поднятой исключительно с целью опорочить, запачкать и унижить меня, добившись уничтожения набора, якобы пришедшего в негодность и т.д. Фельетоны и статьи в многотиражке, лживые рапорты нового д[иректо]ра, заявления на пар-

¹ Статья была написана при участии Ю.Я. Баскина. По словам В.С., вклад соавтора был незначительным. Зная хорошо стиль и ход мысли моего старшего друга, я готов считать публикацию плодом творчества именно Алексеева-Попова. В пользу этого предположения свидетельствуют и другие работы: *Алексеев-Попов В.С.* Значение опыта Великой французской революции для русского рабочего движения накануне и в период революции 1905-1907 гг. // ФЕ 1970. М., 1972. То же: *Alekséev-Popov V.S.* L'expérience de la Révolution française et la classe ouvrière de Russie à la veille et pendant la Révolution de 1905 à 1907 // Studien über die Revolution. В., 1969.

² В анонсе, выпущенном издательством Одесского университета 6 февраля 1959 г., указывалось, что книга «Из истории якобинской диктатуры» подготовлена к печати и организуется сбор заявок на ее приобретение. (Из личного архива.)

тийном комитете у[ниверси]тета – все было пущено в ход». В общем, над сборником, по выражению В.С., нависла угроза «убийства». «К счастью, комиссия Парт[ийного] К[оми]тета оказалась объективной и помогла распутать все это дело».

Чего стоил Вадиму Сергеевичу такой «производственный конфликт»? «Много курил, обострились последствия блокады. Начались спазмы сосудов в голове, немеет левая нога... Был еще все время высокий лейкоцитоз». Бесконечное хождение по врачам, анализы, диагнозы. Тревога... «Потерял способность писать», и более того: «Иногда в перерывах между лекциями мне просто делалось дурно»¹.

Наше знакомство с Вадимом Сергеевичем произошло при обстоятельствах печальных и символичных. 17 марта 1963 г. Снежная пустыня на окраине Петродворца, сковывающий дыхание мороз, сгущающиеся сумерки и маленькая группа людей вокруг гроба Якова Михайловича Захера. Кроме В.С. и меня, из ученой среды были Владимир Сергеевич Люблинский и Василий Никитич Белановский. Люблинский представлял в своем единственном лице все ленинградское франковедение заодно с академическим миром бывшей столицы, а Белановский тоже чисто индивидуально как личность – университет с той самой кафедрой, которой Захер посвятил свою профессиональную жизнь.

Об этой нашей встрече В.С. вскоре напишет: «Мы соединены памятью учителя, друга, вечно живого человека. Будем всегда помнить об этом»². Так оно и случилось. У меня Яков Михайлович был университетским наставником, официальным руководителем курсовых и дипломной работы. Как, однако, Захер сделался учителем и для В.С.? Последний защитил кандидатскую диссертацию перед войной под руководством заведующего кафедрой новой и новейшей истории ЛГУ А.И. Молока; и тема диссертации об отношении рабочего класса и социал-демократии Германии к Парижской Коммуне была далека от круга интересов Захера, которого к тому времени репрессировали.

Но после войны, по возвращении в Одессу, во многом вынужденном из-за состояния здоровья³, В.С. занялся общественной мыслью XVIII в., эпохой Французской революции; и одним из толчков к этому оказались лекции Захера, которые в промежутке 1935-1938 г. ему, будучи студен-

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру. Н/д (предположительно весна 1961 г.).

² Автограф на отгиске статьи в сборнике «Из истории яковинской диктатуры» 14.X.1963 г. Из личного архива.

³ По словам сына А.И. Молока Флуранса Александровича, выехать из Ленинграда Алексееву-Попову посоветовали врачи. Возможно, причина была не только в климате, но и в последствиях блокады, перенесенной В.С.

том, посчастливилось услышать. В посвящении к первой крупной публикации по новой теме говорилось: «Первому обратившему внимание советских историков на важность изучения истории “Cercle social” – в знак глубокой благодарности за интерес к изучению Великой французской революции, пробужденный Вами»¹.

Еще до возвращения и реабилитации Захера В.С. и Раиса Михайловна Тонкова-Яковкина договариваются с престарелой мамой Якова Михайловича, продававшей в крайней нужде его материалы и книги, о приобретении части библиотеки. При этом они просили маму оставить сделанные в Париже фотокопии газет «бешеных» в уверенности, что те в первую очередь понадобятся Захеру по возвращении к науке и потому было бы «морально несправедливо», чтобы ими воспользовался другой исследователь².

В первом же письме В.С. писал как о «давнишней мечте» о желании установить контакт с Захером. Он хочет знать мнение признанного знатока Французской революции о своих неопубликованных работах. Одна из них «Якобинцы и якобинство в историко-политической оценке В.И.Ленина накануне и в годы первой русской революции»³ имела особое значение в творческой судьбе В.С.

Несмотря на унифицирующее давление идеологического канона, существовали серьезные противоречия среди советских историков Французской революции и, в первую очередь, они касались оценки якобинской диктатуры. С конца 50-х годов утвердилось в отношении последней понятие «революционно-демократическая диктатура», которое ввел в 30-х годах академик Н.М.Лукин и активно отстаивал А.З. Манфред. При том, что термин стал общепризнанным, фактически каждый ученый вносил в него свое содержание, в чем-то дополняя, а в чем-то решительно оспаривая позицию Манфреда. Расхождение между якобинократизмом (фокусирование на власти якобинцев) Манфреда и ходом мысли тех, кто рассматривал диктатуру «снизу», ярко, но по-разному, выявилось в работах и Захера, и Алексеева-Попова.

«Дело отнюдь не только в Вашей огромной эрудиции, – писал Алексеев-Попов Захеру. – Дело в том, каким продолжением Вашей личности является Ваш интерес к определенным проблемам и фигурам революции. То, что Вы – основной и ведущий историограф «бешеных», а,

¹ Автограф на оттиске статьи в сборнике «Из истории социально-политических идей» (М., 1955) 22 октября 1957 г. Из архива Я.М.Захера.

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, 4 июня 1959 г.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, 4 ноября 1957 г.

например, А.З.Манфред – убежденный поклонник Робеспьера и смотрит в сущности на революцию его глазами (если даже не Дантона) – это закономерно». Досталось от В.С. и сподвижнику Манфреда Виктору Моисеевичу Далину: «Хотя он занимается Бабефом – по-своему «робеспьеристски» мыслит в смысле какой-то холодности и в смысле антипатии к тем людям, к которым с антипатией относились Робеспьер и Бабеф»¹.

Выступив противником «робеспьеризма», В.С. переводил идейные разногласия с личностей на уровень территориальных школ², на ставшее нелепо знаменитым десятилетие спустя противопоставление научных столиц: «То, что советская ленинградская школа представлена была с самого начала авторами исследований о «бешеных», о Шометте, об Эбере и эбертистах, то, что в книге Софьи Андреевны [Лотте. – А.Г.] позиция автора именно левее якобинства и что сейчас она пишет книгу о рабочем классе – а в Москве больше занимались Маратом и Робеспьером, – это тоже, видимо, не случайно».

В доказательство приводилась своеобразная историографическая родословная: «Ленинградская школа... взяла то ценное, что дал Евгений Викторович [Тарле. – А.Г.] своим “Рабочим классом в период революции”, Кареев – работами о секциях, своим прошлым трудом о крестьянах, и развивала изучение социальной истории революции в ее лево-социальных движениях и идеях – преодолевая матъезовское увлечение Робеспьером»³.

Идентифицируя себя с направлением, которое он назвал «ленинградской школой», В.С. намеревался защищать подготавливаемую докторскую диссертацию по «Cercle social» в ленинградском отделении Института истории и просил Захера быть оппонентом. Впрочем, среди предполагаемых оппонентов указывался и Далин («ибо он все время мой действительный оппонент»⁴). Очевидное свидетельство, что разногласия в подходах между ленинградской и московской «школами» отнюдь не выливались в публицистические страсти 70-х годов, когда глашатаем разногласий выступил заведующий кафедрой новой и новейшей истории ЛГУ Владимир Георгиевич Ревуненков. Хотя в личном плане отношения между В.С. и «москвичами» Манфредом и Далиным не были особенно близкими, на деловом уровне они активно поддерживались.

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 декабря 1958 г.

² См.: Гордон А.В. К вопросу о «школах» в отечественной историографии Французской революции // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып.17. Брянск, 2008. С. 35-51.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 декабря 1958 г.

⁴ Там же.

Между тем разногласия были серьезными и очень чувствительно задевали В.С. как исследователя «*Cercle social*». Якобинократизм Манфреда сливался с бабефоцентризмом Далина. Показав своим монографическим исследованием, что Бабеф пришел к социалистической идее еще перед революцией¹, Далин поставил под вопрос значение Марковского положения об этапах ее вызревания, а ведь именно на нем зиждилась научно-теоретическая, «диссертационная» значимость предпринятого В.С. исследования².

«Деятельность “Кружка” не имела никакого значения для развития социалистических идей (поскольку она не оказала никакого влияния на Бабефа)», – записывал я свои впечатления от далинского доклада «Бабеф и Социальный кружок»³. «А.З. Манфред, – продолжал я, – поспешил углубить выводы докладчика... Он настаивал на необходимости выкинуть “Кружок” как лишнее звено из марксовской триады». «У меня мелькнула шальная мысль, – делился я своими впечатлениями с Захером, – что он [Манфред, – А.Г.] собирается утопить и “Социальный кружок”, и “бешеных” в общем революционном движении 1789-1794 гг. (наряду с якобинцами и Робеспьером) и вывести Бабефа из него»⁴.

Аналогичный вывод из полемики сделал В.С.: «Я лично никак не могу согласиться с тем, что надо считать Робеспьера и вообще якобинцев робеспьеристского направления в числе идейных предшественников Бабефа». Манфред, по мнению Алексеева-Попова, подменял вопрос об идейных корнях Бабефа намерением бабувистов использовать опыт якобинской диктатуры, иначе – «опыт рев[олюционного] творчества масс, теоретически осмысленный якобинцами»⁵. А по поводу далинского доклада, на котором он не присутствовал из-за позднего оповещения, заметил: «Доклад этот направлен против моих работ и против мысли Маркса, что важнее», – резюмировал В.С.⁶.

Своим подходом к якобинской диктатуре В.С. вносил коррективы в сформулированную Манфредом точку зрения «якобинцы – это блок». По-

¹ Далин В.М. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794). М., 1963.

² «Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Ру и Леклерка, и потерпело на время поражение с заговором Бабефа, движение это породило коммунистическую идею». – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 132.

³ Помню Вячеслав Петрович Волгин возмущался переводом термина, подчеркнув, что «круг» (*cercle*) не значит «кружок». Он одобрил название «Социальный клуб».

⁴ «Бабеф и Социальный кружок», приложение к моему недатированному письму Я.М. Захеру (начало 1961 г.). Из личного архива.

⁵ В.С.Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, 9 сентября 1958 г.

⁶ В.С.Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, Н/д (1961 г.).

жалуй, именно ему, единственному из советских историков того времени удалось на рубеже 50-60-х гг. разработать последовательную альтернативу господствовавшему и позднее реанимированному В.Г. Ревуненковым представлениям, что система управления 1793-1794 гг. была диктатурой одного класса - буржуазии.

Особенности якобинской диктатуры, считал Алексеев-Попов, «могут быть поняты лишь в свете характеристики, данной ей В.И. Лениным, как диктатуры низших классов, общественных низов, диктатуры “всех революционных элементов народа”¹, *лишь руководимой* в политическом отношении революционной “якобинской” буржуазией (курсив мой. – А.Г.)»². Он признавал, что якобинцы были подлинными революционными демократами, искренними в своей ориентации на поддержку масс; но, вместе с тем, утверждал В.С., этот революционный демократизм не был их исходной чертой, они смогли глубже осознать общие задачи революции и потребности текущего момента под давлением масс, которые своими активными и насильственными действиями «перевоспитали» якобинских лидеров³.

В качестве основополагающей для понимания природы диктатуры выдвигалась – и в этом выражалось новаторство В.С. – идея гегемонии социальных низов, а в понимании самой гегемонии первостепенное значение придавалось духовному состоянию общества: распространение коллективистской морали, принципов гражданственности (*civisme*), подъем патриотических чувств, сливавшихся с идеалами социальной справедливости. Это и означало, в представлении В.С., «духовную гегемонию плебса».

Алексеев-Попов уже в 1957 г. был настолько убежден в правоте своей точки зрения, что упрекал старшего коллегу, дружбу которого он хотел снискать, в том, что в его монографии нет категории «гегемонии низов»⁴. Обычно само понятие связывают с Антонио Грамши. Я не помню упоминания В.С. этого имени, да и ссылок на него в работе Алексеева-Попова нет. Объяснение может быть двояким. Во-первых, хотя лидера итальян-

¹ Закавычены слова Ленина применительно к перспективе революционно-демократической диктатуры в первой русской революции.

² Алексеев-Попов В.С. Рецензия на рукопись монографии профессора Я.М. Захера «Бешеные» (Очерки из истории Великой французской буржуазной революции). С. 20. (Из архива Я.М. Захера.)

³ «Взгляды лучших представителей демократии (во главе с Робеспьером и за исключением Марата) стали революционными в *непосредственном* прямом смысле этого слова только под воздействием плебса, перевоспитавшего их примерами и уроками своей борьбы» (Из истории якобинской диктатуры... С. 52).

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 1 декабря 1957 г.

ских коммунистов с конца 1950-х гг. в СССР начали «дозированно» публиковать, к его взглядам по-прежнему относились настороженно. Во-вторых, можно предположить параллельный ход мысли, ведь Грамши пришел к «гегемонии», отправляясь от того же источника, что и Алексеев-Попов – от ленинской концепции революционно-демократической диктатуры.

Разумеется, в условиях идеологического режима для всякого новаторства требовалось прикрытие классиками марксизма. Однако, думаю, несправедливо В.Г. Ревуненков отнес «Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И. Ленина» к классическому для советской историографии «цитатному» методу¹. Формирование «метода» явилось следствием утверждения культуры партийности², породившего в 30-х гг. многочисленные публикации на тему «классики марксизма-ленинизма о Французской буржуазной революции», и эти творения по преимуществу представляли набор наиболее актуальных в тогдашней политической обстановке цитат о необходимости диктатуры и пользе террора.

Принципиальным отличием работы Алексеева-Попова на этом сером фоне было обстоятельное изучение источников и обширной литературы, а глубокое выявление ленинского подхода посредством текстологического анализа его работ с учетом идейно-теоретического контекста дискуссий в РСДРП (Плеханов, Мартынов и другие оппоненты Ленина) позволило отойти от буквального цитирования в сторону, можно сказать, «нового прочтения» классики. Обосновывая идею «гегемонии низов», В.С. представил социальную структуру столицы. Совершенно новой в советской историографии была трактовка учреждения республики как этапа «становления» революционной диктатуры.

Идеи демократии «снизу» и «гегемонии низов» не получили широкой поддержки в советской историографии якобинской диктатуры. Этому воспрепятствовало, в первую очередь, привычное (особенно для советского человека) отождествление категорий «диктатура» и «власть», из-за которого якобинская диктатура означала просто «власть якобинцев» как некоей, по подобию большевиков, «партии» или, еще замечательней – как «власть Робеспьера».

¹ Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. С. 145. Примечательно, что автор сам не избежал обильного цитирования. Начиная именно с его книги в советской историографии якобинской диктатуры разразилась «война цитат»: «мой» Ленин против «твоего».

² См.: Гордон А.В. Культура партийности и советский опыт историознания // Россия и современный мир. М., 2009. № 3 (64). С. 160-180; Он же. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 72-119.

Более того идеи В.С. были скомпрометированы начавшейся в период идеологической реакции 1970-х гг. «деякобинизацией»¹. Разоблачение диктатуры и террора переместилось со ставшей запретной темы «культ личности Сталина» на якобинцев и Робеспьера, придав якобинскому правлению одиозный аспект. Ярким образцом такого смещения оказалась упомянутая книга В.Г. Ревуненкова. Правда, в ней позиция Алексеева-Попова была затронута скорее косвенно, а прямым объектом критики оказался Манфред.

При отчетливых различиях в подходах двух историков фундаментально общим для Манфреда и Алексеева-Попова была высокая оценка Французской революции с якобинской диктатурой как ее кульминацией. Оба они выражали происходившую после смерти Сталина своеобразную реабилитацию революции XVIII в. С середины 1930-х гг. по прямому указанию вождя восторжествовало умаление ее как «буржуазно ограниченной», что выявилось и в соответствующем развенчании из «великих»: отныне «Великой» могла называться лишь Октябрьская революция². Поскольку идеология партийности исключала возможность *подлинной* демократии в буржуазном обществе, вопрос о демократичности революции XVIII в. повисал в воздухе.

Различие подходов в рамках советской концепции Французской революции как одновременно буржуазной и демократической выявилось внутри редколлегии задуманного в Институте истории к 175-летию революции трехтомника³. Разногласия сфокусировались на оценке издания 1941 г. Манфред: «Еще 1 общий вопрос хочу поставить на обсуждение. В качестве эталона взят старый том. Это ошибка. Том был очень полезен. Но он сильно устарел»⁴. Прежде всего, Манфред категорически отверг прежнее название, потребовав заменить его на «Великая французская революция», чтобы подчеркнуть общедемократическое содержание последней.

Алексееву-Попову новое издание, в сравнении с томом 1941 г., виделось «проблемным, новаторским»⁵. И он был солидарен с Манфредом

¹ См.: Гордон А.В. Великая французская революция. С. 272-318.

² Эта тенденция отразилась и в предвоенном томе Института истории Академии наук: Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. М.; Л., 1941. 851 с.

³ В архиве ФЕ сохранились протоколы заседаний редколлегии трехтомника и отзывы ведущих советских специалистов. Я благодарю главного редактора ФЕ А.В. Чудинова за возможность использовать этот источник. Первоначальный проект Проспекта и сам Проспект достались мне из архива Захера.

⁴ Алексеев-Попов В.С. Замечания на «Проспект» коллективного труда «Великая французская буржуазная революция XVIII века». Одесса, 17 янв. 1963 г. С. 4.

⁵ Там же. С. 6.

в позитивной переоценке революции. При этом его понимание демократичности последней предполагало сосредоточение на социальных движениях: «Признавая раскрытие народных масс в революции главной задачей издания, надо увеличить место, отводимое в нем показу как их состава, структуры, так и их борьбы... Исходя из этого, история восстаний, определявших начало революции 1789 г. и ее дальнейшее развитие по восходящей линии, в данном издании должна дать детально разработанные узловые, опорные пункты этой истории, служить ее костяком, ее мускулатурой. Именно эти разделы должны оставить у читателя особенно сильное, неизгладимое впечатление. Именно в этих разделах должна быть во весь рост выписана фигура главного героя революции – человека из народа, образ народной массы»¹.

Последовательное освещение революции «снизу» требовало воссоздания образа коллективной личности, выступающей в роли революционного субъекта. Развивая идею «гегемонии народных низов», В.С. пытался подчеркнуть значение массового сознания в генезисе якобинской диктатуры. В принципе этот перенос акцента был созвучен выявившемуся чуть позже общему движению исторической мысли². Однако для советского исследователя такой переход был затруднен известными постулатами «теории отражения», а также догматами ограниченности «политического рассудка» революционеров XVIII в. и «отвлеченности» их политической этики.

Поставленную В.С. задачу за рубежом решали в это время Альбер Собуль, Ричард Кобб, Джордж Рюде. Между тем, отношения между советскими и «прогрессивными», как их называли, зарубежными учеными складывались непросто³. Все понимали, что ими собран огромный новый фактический, в том числе и архивный, материал, совершенно недоступный в ту пору советским историкам. Но В.С., проявляя широту взгляда, подчеркивал необходимость использования при подготовке трехтомника не только материалов, но и выводов самих исследователей, путивших эти источники в научный оборот⁴.

Алексеев-Попов видел в зарубежных историках своего рода союзников в проведении того подхода к якобинской диктатуре, который требовал оценки ее характера «снизу», с точки зрения отношений между

¹ Там же. С. 5.

² См.: *Блуменгау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995.

³ См.: *Гордон А.В.* Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // ФЕ 2007. С. 215-255.

⁴ *Алексеев-Попов В.С.* Замечания... С. 1-2.

якобинскими лидерами и «санкюлотами». Вместе с тем, у него были серьезные претензии к идейно-теоретической позиции Собоуля и других учеников Жоржа Лефевра.

Своими сомнениями, которые он не афишировал, В.С. откровенно делился с Захером: «Читаю книгу Собоуля¹. По-прежнему резко бросается в глаза: а) то, что он в pendant к Ж. Лефевру, объявившему автономной и специфической революцию крестьян (или во всяком случае) борьбу крестьян в революции, объявляет не только специфической, но и автономной – борьбу плебеев. Это, конечно, глубоко неверно и свидетельствует по-моему о том, что он не только из тактических соображений не опирается открыто на мысли Маркса, Энгельса и Ленина, но что он внутренне, увы, чужд им в понимании действит[ельной] роли этих масс в самой динамике бурж[уазной] революции XVIII в.»².

Алексеев-Попов не соглашался с мнением Захера, что работы Собоуля и его сподвижников «выдержаны в общем и целом в духе марксизма-ленинизма». «Мне лично, – подчеркивал он, – эта оценка представляется пока еще, к сожалению, преждевременной»³.

Захер был человеком другого поколения – старше своего корреспондента почти на 20 лет - и другой исследовательской культуры: ученик Н.И. Кареева, наследник *école russe*. В отличие от Алексеева-Попова, Манфреда, Далина, ученых советско-ленинской формации, он готов был отнести к марксизму то, что считал верным, а исследовательская манера и сами выводы Собоуля, Рюде, Кобба ему, убежденному стороннику изучения революции «снизу», были, безусловно, близки. Конечно, Захер был достаточно искушен, чтобы не видеть прорехи – с советской точки зрения – марксистского образования у Собоуля и его сподвижников. «Для Собоуля характерно усвоение только учения Маркса и Энгельса, но не В.И. Ленина»⁴, – соглашался он с замечанием А.В. Адо.

Однако у Захера оставались большие сомнения относительно характера якобинской власти. По его мнению⁵, очень близкому к концепции П.А. Кропоткина, в своем законченном виде то была бюрократическая, а не демократическая структура. К тому же самой логикой своей работы,

¹ *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. P., 1958.*

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 22 августа 1959 г.

³ *Алексеев-Попов В.С.* Рецензия на рукопись монографии профессора Я.М. Захера. С. 9. Подписанная 10 июня 1959 г. эта рецензия насчитывает 52 стр.

⁴ Цит. по: Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо / Публ. В.П. Золотарева и С.С. Канашиной // Мир историка: Историогр. сб. Омск, 2006. Вып. 2. С. 331.

⁵ Оценки Я.М. привожу на основании собственных бесед и разговора с его сыном Юрием Яковлевичем вскоре после кончины ученого в 1963 г. Разумеется, Захер поостерегся публично излагать свое мнение о диктатуре.

сосредоточенной на леворадикальных активистах секционного движения («бешеных»), он подчеркивал конфликтность их отношений с якобинцами, которая вылилась в конечном счете в прямые репрессии со стороны последних. Такая позиция подрывала основные принципы советской концепции якобинской диктатуры как власти, опиравшейся на народное, и прежде всего секционное, движение. В этом Алексеев-Попов разделял общее мнение и расходился с Захером.

Ознакомившись с рукописью труда Захера о «бешеных», В.С. пишет: «Подойдя к якобинцам со стороны “бешеных”, Вы изобразили их... как “якобинцев против народа”». В.С. настоятельно рекомендовал своему старшему другу внести коррективы¹. «Наиболее существенный недостаток труда Я.М. Захера я вижу в том, – писал Алексеев-Попов в рецензии для издательства, – что... он явно увлекается противопоставлением положительных качеств “бешеных”... “отрицательной” стороне облика якобинцев». В результате утрачивается то, что делало последних великими революционерами. А «это, – констатировал рецензент, – уже явный перегиб в борьбе с матъезовской идеализацией Робеспьера, и от этого перегиба автору следует освободить свою работу»².

В критике Вадимом Сергеевичем монографии Захера, возможно, было немало справедливого – я не читал этой рукописи. Но, очевидно, выдающийся исследователь «бешеных» имел право на свою позицию. Столкнулись, в сущности, две научные позиции; можно, наверное, говорить и о конфликте поколений. Беда была в том, что в научный спор вмешалась идеологическая цензура в образе редакции Соцэргиза. В.С. не случайно в письме Захеру оговаривался, что своими замечаниями «не хотел испугать редакцию»³. Увы, для советской цензуры народность диктатуры («якобинцы с народом») входила в идеологический канон.

Впрочем, похоже, редакция «испугалась» еще до получения рецензии В.С. Листаж книги был резко сокращен с 30 до 14, а потом и до 11 п.л. Лояльного издательского редактора сменил некий «смершевец», который буквально измывался над почтенным автором⁴. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что редактор в основном выражал господствовавшую точку зрения на якобинскую диктатуру, которую отстаивал и Алексеев-Попов. Не случайно тот получил вскоре письмо от этого редактора с требованием прислать рукопись монографии «Ленин и история

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 июля 1959 г.

² Алексеев-Попов В.С. Рецензия. С. 14-15.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 июля 1959 г.

⁴ Характерные выдержки из писем редактора Соцэргиза Захеру приведены в кн.: Гордон А.В. Великая французская революция. С. 204-206.

якобинской диктатуры». Очевидно, руководство издательства, с которым активно контактировал В.С., восприняло его слова о подготовке «якобинского сборника»¹ как сообщение о работе над монографией.

В.С. выступал, подобно, кстати, А.З. Манфреду, поборником формирования общей позиции советской историографии. Он был пламенным сторонником самого тесного сотрудничества и коллективного творчества советских историков, свой личный вклад в которое считал вопросом «гражданской совести»². В.С., действительно, высоко ценил монографию Захера, был уверен, что ее переведут на «многие языки», и потому хотел ее максимального совершенствования за счет включения в подготовленный автором текст разработок коллег, в том числе своих собственных мыслей. В замыслах В.С. была книга, «отражающая весь коллективный опыт советской историографии»³!

Понятно, у Захера было иное представление об авторстве. И В.С. очень боялся, что потеряет расположение того, к кому, по собственным словам, относился, как сын (вообще его письма к Захеру исключительно трогательны). «Уехал [из Ленинграда] со сложным чувством... Мне кажется, что на меня до сих пор устремлен Ваш испытующий взгляд». «Не осталось ли у Вас какой-то неуверенности во мне?», – обращался он к Захеру⁴. «Ради Бога не лишайте меня своей дружбы»⁵!

В.С. надеялся, что профессор поймет искренность чувств и доброжелательность отношения: В.С. брался отредактировать рукопись, и действительно, его буквально постраничные замечания свидетельствуют о готовности к такой работе (вот уж подлинно «хотели как лучше»). К счастью, Захер все понял и проявил характерную для него широту натуры. Их отношения выдержали испытание советским идеологическим режимом; дружеская и деловая одновременно переписка продолжалась до последних дней жизни Якова Михайловича.

Под знаком этой дружбы складывались и мои отношения с В.С. Хотя я стал москвичом и научным руководителем моей кандидатской диссертации оказался не кто иной, как А.З. Манфред, В.С. упорно (и справедливо) видел во мне ученика Захера. «Рад за Якова Михайловича», – писал он, ознакомившись с моей диссертационной работой и дав ей высокую

¹ Так для краткости В.С. именовал сборник материалов конференции по истории якобинской диктатуры.

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 21 января 1963 г.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 1 декабря 1957 г.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 22 августа 1959 г.

⁵ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 18 июля 1960 г.

оценку¹. Обобщая результаты своего исследования, я развивал то понимание якобинской диктатуры как организационной структуры народно-го движения, которое предложил Алексеев-Попов. Притом заимствовал формулировки, которые дал мой официальный научный руководитель.

В.С. все это оценил: «Было мне отраднo читать Вашу работу и потому, что она увлекла меня своей серьезностью. И еще потому, что увидел, что не зря я положил так много сил на нашу конференцию и издание ее трудов. Вот Вам они и пригодились. Хотя не скрою – тут у Вас есть чуть-чуть “реверансы”». В.С. имел в виду «мысли и определения» из работ Манфреда, хотя и признавал их «подлинно удачными»². В общем, он счел работу «своею» и предложил не только оппонировать при защите, но и редактировать при подготовке к печати. Характерная для В.С. деталь: в своем выступлении на защите он говорил, что моя диссертация «подтверждает *наше* понимание самого типа якобинской диктатуры» и «позволяет найти новые аргументы в пользу *нашего* понимания этой диктатуры (курсив мой. – А.Г.)»³.

Особенно это касалось той главы диссертационного исследования, которая была посвящена федералистскому восстанию лета 1793 г. В.С. неизменно выделял ее. Шла дискуссия о социальной природе якобинской диктатуры, и в ходе нее В.Г. Ревуненков акцентировал противоречия между «якобинской буржуазией» и «санкюлотскими» низами Парижа. А в упомянутой главе было показано, что ставший динамической силой процесса установления диктатуры социальный раскол в общенациональных рамках происходил по другому принципу – между крупной буржуазией, поддерживавшей «федералистов», и поддержавшими якобинский Конвент демократическими слоями (низы буржуазии, крестьянская масса, городская беднота)⁴.

Вот почему В.С. писал: «Самым важным Вашим вкладом – ударяющим по Ревуненкову⁵ с огромной силой, кстати, – считаю главу о федер[алистском] мятеже, раскрытие его социального аспекта. Это и ново, и убедительно, неопровержимо вместе с тем»⁶. Выявляющееся в документах личного архива отношение Алексеева-Попова к полемике

¹ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 4 марта 1968 г.

² Там же.

³ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории.

⁴ См.: Гордон А.В. Федералистский мятеж. (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) // ФЕ 1967. М., 1968. С. 86-107; *Он же*. Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ 1972. М., 1974. С. 154-174.

⁵ В.С. имеет в виду концепцию В.Г. Ревуненкова. Считая ее неоригинальной, я ни концепцию, ни имя автора в своей диссертации не упоминал.

⁶ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 4 марта 1968 г.

между ленинградским профессором и теми, кого последний именовал сначала «школой Лукина-Манфреда», а потом даже «московской школой», очень интересно и многозначительно.

Дело в том, что Алексеев-Попов публично не участвовал в полемике. По просьбе Ревуненкова (с которым они, очевидно, были знакомы еще до войны), В.С. написал рекомендательный отзыв для издания его книги, имея при этом перед глазами, как я предполагаю, не текст рукописи, а присланные ее автором тезисы¹. Понятно, никаких личных выпадов в адрес коллег здесь не содержится. Думается, вряд ли бы их В.С. пропустил, ведь он писал по другому поводу: «Интересен научный спор, а не какие-то удары по людям»².

Дав своего рода благословение на издание первой книги Ревуненкова, положившей начало дискуссии, В.С. затем как бы устранился. На симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры в Институте всеобщей истории (май 1970 г.) он – единственный из активных исследователей этих проблем – не присутствовал, что вызвало известное недоумение коллег, заподозривших нежелание ввязываться в полемику из-за предстоявшей защиты своей диссертации. Мне представляется более вероятным другое объяснение: В.С. мог опасаться, что симпозиум превратится в «наш ответ Ревуненкову», в шельмование того по известному образцу.

Во время моей защиты В.С. рекомендовал мне не упоминать имя Ревуненкова, что всецело отвечало и моей внутренней установке критиковать позицию, а не человека. То же сделал и В.С. в своем выступлении на совете. И, когда на следующий день после защиты симпатизировавший Ревуненкову академик А.Л. Нарочницкий спросил посетившего его Алексеева-Попова: «Вы там, небось, все полоскали ленинградского профессора», В.С. с удовлетворением (как он сказал мне) ответил: «Даже не поминали».

Между тем, критическое отношение В.С. к позиции Ревуненкова выглядит совершенно определенным: «Сейчас у нас наметилась дискуссия по вопросу о том, едина ли была революционная диктатура или существовали диктатура более демократическая в лице секционной организации и диктатура буржуазная в лице Конвента... Мне кажется, что содержание, выводы, наблюдения, построенные на анализе фактов работы

¹ Эти тезисы В.С. и передал когда-то мне. См.: Профессор В.Г. Ревуненков. Проблема диктатуры «низших» классов в Великой французской революции (тезисы). 4 с. (из личного архива).

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, Н/д (1961 г.).

тов. Гордона, ее соответствующие главы показывают, что установление якобинской диктатуры было единым процессом»¹.

В.С. не удержался и от жестких обобщений. Сопоставляя мое исследование и позицию неназываемого оппонента, он говорил, что в первом случае выражен «дух отношения Ленина, а не выдержки из него»². Похоже, поддержав издание работы Ревуненкова, В.С. надеялся, что произойдет дискуссия, плодотворность которой он априорно допускал. И здесь его постигло разочарование. «Серьезной дискуссии не будет»³, – сделал он вывод из разговора с Нарочницким, главным редактором «Новой и новейшей истории», который, опубликовав дискуссионную статью Ревуненкова, сделал официальное приглашение другим специалистам. И В.С., и я получили такие редакционные приглашения, и я даже отправил свою статью, которая, естественно, не была опубликована.

Одновременно В.С. критически отозвался о рецензии А.И. Молока, где о книге Ревуненкова говорилось: «оригинальная историографическая работа», «подход автора... глубоко продуман и хорошо обоснован», «книга принесет большую пользу»⁴. «Рецензию А.И. Молока прочел. Осталось грустное впечатление»⁵ – такой была оценка Алексеева-Попова. Напротив, он положительно отозвался о симпозиуме в Институте всеобщей истории, большинство участников которого критиковало позицию Ревуненкова: «Много важного и в Вашем выступлении, и у Адо. Пожалел, что не поехал»⁶, – написал он мне после ознакомления с публикацией материалов симпозиума.

Что же получается? Ярлык «московская школа», который прилепился к дискуссии 1960-1970-х годов с нелегкой руки профессора ЛГУ, совершенно неадекватен⁷. Определенно, кроме А.З. Манфреда, В.М. Далина и А.В. Адо, против его позиции заодно с историком из Ульяновска С.Л. Сытиным⁸ выступал и Алексеев-Попов. И, напротив, в Москве Ревуненкова откровенно поддерживали А.Л. Нарочницкий и А.И. Молок. Еще любопытное наблюдение: во время конгресса историков в Москве

¹ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории.

² Там же.

³ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 2 ноября 1967 г.

⁴ См.: НиНИ. 1967. № 5. С. 174, 176.

⁵ Там же.

⁶ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 12 февраля 1973 г.

⁷ См.: *Летчфорд С.Е.* В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ 2002. М., 2002).

⁸ См.: *Гордон А.В.* Сергей Львович Сытин – историк революционной Франции // Материалы IV научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л.Сытину, Ульяновск, 2008.

(1970) В.С. познакомил с концепцией Ревуненкова Альбера Соболя, на труд которого тот неизменно ссылался. «Tres abstrait (слишком абстрактно)», – отозвался о схеме «двух диктатур» директор Института истории Французской революции.

Во время этого конгресса В.С. собрал у себя в гостиничном номере очень близкого ему по духу Сергея Львовича Сытина и меня. Ожидалось, что мы сообща можем выдвинуть некую альтернативную перспективу в дискуссии по якобинской диктатуре. Обменявшись довольно сходными мнениями, мы ничего основательного за вечер предложить не смогли. Но таков был отклик В.С. на входивший тогда в моду метод «мозгового штурма». Наш одесский друг увлекался всеми новыми научными процедурами, особенно если они касались коллективного творчества.

Как видим, в центре научных интересов В.С. и в начале 70-х оставалась якобинская диктатура. Хотя о докторской диссертации речь в переписке с Захером шла с самого 1957 г., тем не менее, когда редколлегия упомянутого трехтомника Института истории предложила ему главы о начальном («диссертационном») периоде революции, В.С. попросил Захера походить за ним, чтобы ему дали тот период 1792-1793 г., который он назвал временем «становления революционно-демократической диктатуры».

Все же в конце 1962 г. В.С. приступает к диссертационной теме, и сам взгляд на нее заметно изменяется. Еще весной 1961 г. она представлялась ему чисто идеологической: «Развитие социальных идей в первые годы Великой французской революции: “Cercle social”. И вот резкий поворот – «Демокр[атическое] движение и демокр[атическая] идеология на первом этапе и “Социальный кружок”». Хотя последний остался в виде некоего указателя, опыт социально-исторического исследования якобинской диктатуры не прошел даром: В.С. отступает от первоначального замысла, сосредоточенного на идейном значении «Социального клуба» Фоше и Бонвиля.

«Я теперь исхожу не из мысли Маркса¹, а из фактов истории самой революции, чтобы показать, что отражением борьбы масс было политически оформленное демокр[атическое] движение представителей других слоев – “франкмасонских”, то, что и оно сыграло свою важную роль и практическую (республиканско-демокр[атическое] движение лета 1791 г.), и идеологически-теоретическую»². Иными словами, Вадим Сергеевич берет за социально-политическую «базу», не сводя ее притом к «массам» - плебейству.

¹ О роли *Cercle social* в предыстории социалистических идей (см. выше).

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 26 октября 1962 г.

«То, чем я теперь увлечен, – это ощущение необходимости целостно – по месяцам показать, каковы были различные проявления сталкивающихся... тенденций внутри антиабсолютистского лагеря. Нашупать и показать это не только в плоскости чисто политической, но в *наибольшей полноте жизненных проявлений* – пресса, публицистика, клубы, театр (курсив мой. – А.Г.). Нет слов, программа грандиозная, и В.С. это превосходно понимает: «Я сознаю, что взвалил на себя огромную тяжесть – но только так мне сейчас интересно думать, собирать материал и хочется писать». И только «так может выйти книга – интересная для чтения, а не “сочинение на машинке” для получения ученой степени. Это меня абсолютно не увлекает»¹.

В.С. как исследователь явно перерос диссертационный уровень («требований ВАК»), потому и ставит перед собой сверхзадачу – представить не просто диссертационное сочинение, а монографию, причем беспрецедентную в советской историографии Французской революции по широте подхода и источниковедческой базе. «Предвижу не только трудности работы, но и одиночество мое в самом замысле», – признается он Захеру, видя в старшем друге своеобразный ориентир: «Ведь только Вы можете быть единственным моим читателем, и писать я буду именно для Вас»².

Вряд ли план Вадима Сергеевича мог быть реализован. Требовались месяцы, если не годы работы во французских библиотеках и архивах. Такие возможности в ту пору были лишь у Абгара Рубеновича Иоаннисяна, и чуть позже – у Анатолия Васильевича Адо. К тому же, В.С. увлекали разные сюжеты. И это продолжалось и тогда, когда, говоря его словами, «появился аппетит к своей теме, взятой под таким, более общим углом зрения». В.С. пишет новое введение к диссертационной теме, и на этом останавливается.

«Очень обидно, но надо вплотную браться за Руссо»³, – досадует В.С., имея в виду заказ на издание политических сочинений мыслителя. Однако спустя несколько месяцев тон резко меняется: «Руссо меня сейчас поглотил, да ведь моего Фоше и Бонвиля без него не поймешь»⁴. Великий мыслитель Просвещения толкуется В.С. в связи с революцией, ее идейной подготовкой, влиянием на левые течения. Между тем, становится все более очевидно, что Руссо впечатляет В.С. и, так сказать, сам по себе – мощью своего мышления.

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 5 ноября 1962 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 25 февраля 1963 г.

Он несколько лукавил, когда сетовал на вынужденное обращение к творчеству мыслителя. Руссо, если не первая, то, безусловно, «вторая любовь» В.С. – и впоследствии она вытеснит первую. Руссо «увлекает до крайности», и В.С. берется за совершенствование своей философской подготовки, штудировав одного за другим классиков Просвещения: Монтескье, Гельвеция, Дидро, восходя от них к Гроцию и философской мысли XVII в.¹

С изданием сочинений Руссо произошло нечто подобное изданию «якобинского сборника». Хотя ответственным редактором значился Манфред, составителем, организатором и душой этого большого предприятия в престижной академической серии «Литературные памятники» стал Алексеев-Попов. Он пишет «заглавную» статью «О социальных и политических идеях Жан-Жака Руссо» (3 п.л.), причем, по своему обыкновению, дописывает и переписывает ее. Он выступает комментатором. Занявшись научным редактированием переводов, нередко погружается собственно в переводы тогда, когда работа «штатных» переводчика и редактора его не удовлетворяют – вспомним, что Руссо едва ли не самый сложный классик Просвещения, – и приходится «сопоставлять слово за слово с оригиналом»². Фактически перевод самых важных текстов, включая трактат «Об Общественном договоре», в большой мере плод труда В.С.³

Еще в начале 70-х гг. Алексеев-Попов продолжал упорно работать над диссертационной темой. Тема продолжала расширяться, ко второй части «Проблема и организация сил антиабсолютистск[ого] лагеря на первом этапе революции. 1789 г.» он пишет 3 п.л. И одновременно столько же на тему «Х[арактеристи]ка общих основ рационалистич[еской] философии Просвещения и критика ее у Руссо, в связи с генезисом романтического направления в обществ[енной] мысли». Предназначенный для книги о Руссо текст В.С. думает включить и в диссертацию⁴.

В последние годы Руссо окончательно вытесняет диссертационную тему. Работая над книгой о нем, В.С. увлекается темой «Толстой и Руссо». Предлагая мне сотрудничество⁵, он так объяснял свой замысел: «Глубоким социальным источником той констелляции, которую образует эта

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 4 марта 1963 г.

² Там же.

³ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты / Изд. подг. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, И.А. Полторацкий, А.Д. Хаюгин. М., 1969. 703 с.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 13 января 1973 г.

⁵ В.С. живо реагировал на мои работы, где я со ссылкой на находившиеся на подъеме на Западе «peasant studies» обосновывал научный статус крестьяноведческого направления исследований.

пара (Толстой – Руссо), является то, что оба они сложнейшим образом “представляют” в сфере идеологии, нравственности и т.д. – огромный особый мир “крестьянства”»¹.

Следующее письмо, и новый поворот темы. В.С. берется за «последний тематический узел». Называется он весьма многозначительно: «Руссо о диалектике души». Классик Просвещения, который представал В.С. в 50-х гг. предтечей якобинской диктатуры, становится объектом духовно-нравственных размышлений. Алексеева-Попова волнует сочинение «Руссо, судящий Жан-Жака». Он чувствует, что анализ уводит его в совершенно новую сферу – психоанализа, – и просит найти «подходящего тонкого психолога для совета»².

Увы, это было последнее письмо. Творческий путь и собственно жизнь ученого трагически сократили внешние обстоятельства, та идеологическая реакция, которой ознаменовались годы «застоя». Затронуло В.С. преследование диссидентов («дело Игрунова»), а в 1978 г. его «ушли» с родного истфака³.

И потому мне особенно дорого это последнее письмо старшего друга. Я вижу в нем свидетельство, что Вадим Сергеевич до самого конца находился в творческом поиске, открывая для себя все новые горизонты познания.

Список литературы

Блуменану С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995. [*Blumenau S.F. Ot socialno-ekonomicheskoi istorii k problematike massovogo soznania. Briansk, 1995*].

Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо // Мир историка: Историогр. сб. Омск, 2006. Вып. 2. [*Vosem' pisem J.M.Zahera A.V.Ado // Mir istorika: Istoriogr. sbornik. Omsk, 2006. Vol. 2*].

¹ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, июль 1980 г.

² В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 15 декабря 1980 г.

³ В ответ на мое предположение, что уход В.С. был отнюдь не добровольным, его бывшая студентка Елена Викторовна Полевщикова написала мне: «Вы правы, “ушли”, конечно, даже у нас, непосвященных студентов, было такое ощущение! А до того, как “ушли”, еще и учили, с какими темами на коллоквиумах выступать: я помню какое-то потрясенное (и даже немного восхищенное) недоумение Вадима Сергеевича по этому поводу после разговора с нашей царственной (ныне уж покойной) деканессой... Мы с подругой ждали его, чтобы вместе прогуляться (это случалось иногда), думаю, что вряд ли мы уловили всю сложность ситуации, но я помню ощущение горечи сквозь едкий комментарий В.С. Деканесса эта, кстати, вспоминается практически всеми как достойная уважения особа – во всяком случае, она была лишена почти обязательного теперь нац[ионального] колорита со всеми вытекающими». – Е.В. Полевщикова – А.В. Гордону, 19 февраля 2013 г. (из архива автора).

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. [*Gordon A.V.* Velikai franzasukai revolucia v sovetskoi istoriographii. Moscow, 2009].

Гордон А.В. К вопросу о «школах» в отечественной историографии Французской революции // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 17. Брянск, 2008. [*Gordon A.V.* K voprosu o scholach v otechestvennoi istoriographii franzasukoi revolucii // Vseobschai istoria: sovremennii issledovania. Vol. 17. Briansk, 2008].

Гордон А.В. Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ 1972. М., 1974. [*Gordon A.V.* Klassovai bor'ba i Konstitucia 24 ijuna 1793 g. // Annuaire d'études françaises 1972. Moscou, 1974].

Гордон А.В. Культура партийности и советский опыт историознания // Россия и современный мир. М., 2009. № 3 (64). [*Gordon A.V.* Kultura partiinosti i sovetskii opit istorioznania // Rossia i sovremennii mir. Moscow, 2009. N 3 (64)].

Гордон А.В. Сергей Львович Сытин – историк революционной Франции // Материалы четвертой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину, Ульяновск, 2008. [*Gordon A.V.* Sergei L'vovich Sitin – istorik revolucionnoi Francii // Materiali chetvertoi nauchnoi konferencii, posvaschennoi uchenomu i kraevedu S.L. Sytinu. Ulianovsk, 2008].

Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // ФЕ 2007. М., 2007. [*Gordon A.V.* Sovetskie istoriki i progressivnie uchenie Zapada // Annuaire d'études françaises 2007. Moscou, 2007].

Гордон А.В. Федералистский мятеж. (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) // ФЕ 1967. М., 1968. [*Gordon A.V.* Federalistkii matej // Annuaire d'études françaises 1967. Moscou, 1968].

Из истории якобинской диктатуры: Труды Межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры / Ред. коллегия: В.С.Алексеев-Попов, А.Я.Гансов, К.Д.Петряев. Одесса, 1962. [Iz istorii jakobinskoj diktaturi. Odessa, 1962].

Летчфорд С.Е. В.Г.Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ 2002 М., 2002. [*Letchford S.E.* V.G. Revunenkov protiv "moskovskoi shkoli" // Annuaire d'études françaises 2002. Moscou, 2002].

Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. [*Revunenkov V.A.* Marksism i problema jakobinskoj diktaturi. Leningrad, 1966].

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969 [*Rousseau J.J.* Traktati. Moscow, 1969].

Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Жан-Жака Руссо. Одесса, 1962 [Tesyisy konferencii, posvaschennoi 250-letiiu so dnia rojdenia Jan-Jaka Russo. Odessa, 1962].

Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. М.; Л., 1941. [Franzuskai burjuasnai revolucia. Moscow, Leningrad, 1941].

Alekséev-Popov V.S. L'expérience de la Révolution française et la classe ouvrière de Russie à la veille et pendant la Révolution de 1905 à 1907 // Studien über die Revolution. Berlin, 1969.

Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. P., 1958.